

элоиза джеймс

париж в любви

Элоиза Джеймс Париж в любви

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444640
Элоиза Джеймс. Париж в любви: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68371-0*

Аннотация

Что такое Париж? Переливы аккордеона и прогулки по набережной Сены? Или блестящие витрины модных универмагов и силуэт Эйфелевой башни? А может, маленькие рынки и старинные готические соборы? Для Элоизы Джеймс Париж – это всё и сразу. Променив нью-йоркскую суету на суету парижскую, она провела в этом городе со своей семьей целый год. Ее впечатления и воспоминания сложились в калейдоскоп, за пестротой которого трудно не угадать неуловимый и многогранный образ самого Парижа.

Содержание

Предисловие к La Vie Parisienne[1]	4
Парижская осень	8
Эйфелева башня	15
Выволочка от Диора	21
Гимн Малиновки	32
Горе	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Элоиза Джеймс

Париж в любви

*Посвящаю «Париж в любви» моей семье: любимому мужу
Алессандро и детям, Луке и Анне, которые, сами того не ведая, внесли
в эту книгу очень много юмора.*

Предисловие к *La Vie Parisienne*¹

В декабре 2007 года моя мать умерла от рака. Две недели спустя мне поставили тот же диагноз.

Я всегда страстно любила читать мемуары, особенно те, в которых повествуется об ужасных болезнях. Глазея на автомобильную аварию, испытываешь чувство стыда, но чтение мемуаров, где речь идет, скажем, о рассеянном склерозе, – вполне пристойное занятие. Ведь, узнавая о трагедиях других людей, ты как бы готовишься к будущему – мало ли что может случиться. Прежде чем мне поставили диагноз, я прочла по крайней мере десять мемуаров тех, у кого был рак, и совершенно точно знала, что произойдет дальше.

И я сразу же начала ждать эйфории – ведь меня должна потрясти красота мира. Я увижу радость в глазах моих детей (а не ослиное упрямство), откажусь от кофеина и буду заниматься йогой на фоне заката. Мое лучшее «я» выйдет из укрытия, и я перестану тратить время на компьютер и донимать своего мужа, так как стану менее раздражительной.

У меня рак... Но хорошая новость заключается в том, что я научусь жить минутой.

А может быть, и нет.

Когда реакция «жизнь прекрасна» не проявилась сразу, я решила пока что не провозглашать радость жизни своим *modus vivendi*² и занялась поисками доктора. Моя мать потребовала у своего хирурга дать ей достаточно времени, чтобы хотя бы закончить роман, который она писала, и хирург уступил. Мама читала корректуру прямо в хосписе. Я не могла сосредоточиться на радости жизни, так как упорно искала такого специалиста по раку груди, который дал бы мне столько времени, сколько я хочу – еще около сорока лет. А быть может, пятидесяти.

Моя сестра Бриджет, обладающая научным складом ума и способностью запоминать неприятные медицинские факты, сопровождала меня в поисках подходящего онколога. Сначала мы попали к неистовой женщине на Медисон-авеню, которая украсила свой кабинет куклами «Чудо-женщина». Я увидела в этом инфантильную (но не лишенную приятности) *joie de vivre*³, но Бриджет сочла это саморекламой. Доктор «Чудо-женщина» была готова к битве с превосходящими силами противника. В ее глазах горел огонь истинной веры, когда она заявила, что следует удалить одни части моего тела, а другие подвергнуть лучевой терапии. Она заставила меня лечь на кушетку и взяла кровь на генный тест прямо у себя в кабинете.

– Не беспокойтесь о страховке, – сказала она бодрым тоном. – После того, как узнают историю вашей семьи, они заплатят.

Узнав, что у меня нет гена BRAC, который ставит на вас большое красное клеймо «Р» (рак), я не смогла заставить себя вернуться в ее кабинет. Для борьбы с BRAC доктор

¹ Парижская жизнь (фр.). Здесь и далее примеч. перев.

² Образ жизни (лат.).

³ Радость жизни (фр.).

«Чудо-женщина» предлагала политику выжженной земли, горя желанием ринуться в бой. Я начала лучше спать, как только решила, что моя ранняя стадия – что-то вроде герпеса. Это была еще одна болезнь, про которую я читала и которой надеялась избежать – неприятная, но вряд ли роковая.

В конце концов мы с Бриджет нашли спокойного онколога, который рекомендовал лучевую терапию и лечение гормонами. Он также заметил очевидное: все дело в моей груди. Я перестала думать о герпесе. Поскольку можно прожить и без этой части тела, то я в срочном порядке лишилась груди.

Однако, избежав химиотерапии и лучевой терапии, имела ли я право считать себя почетным ветераном – тем более что моя новая грудь оказалась такой упругой и круглой? Я решила, что ответ будет отрицательный. И теперь стало понятно, почему у меня нет эйфории и я не склонна наблюдать закат, по-собачьи стоя на четвереньках. Не видать мне ленты ордена Подвязки. Очевидно, диагноз был не настолько серьезен, чтобы в корне изменилась моя личность.

Да, мне повезло. У меня улучшилась внешность, но осталась прежняя душа.

И вдруг я стала избавляться от своего имущества, начав с книг. С семи лет я собирала романы и составляла каталоги своей библиотеки. Любимые книги я держала поближе к дверям – на случай пожара. На коробке с «Хрониками Нарнии» была сделана надпись крупными буквами: это было указание родителям не забыть о ней, когда они будут выносить через дверь мое тело (предположительно, бесчувственное) за секунду до того, как рухнет потолок.

А теперь я начала самозабвенно раздавать книги. Мой муж, Алессандро, пережил историю с моим раком значительно легче, чем ее последствия. Разделяясь со своей собственностью, я уговаривала его сделать то же самое – правда, безрезультатно. Алессандро был решительно против. Впрочем, об этом можно было догадаться, взглянув на коробки с аккумуляторными ярлыками, хранившиеся у нас на чердаке. В них были все его экзаменационные работы, начиная с 1988 года. Порой я испытывала беспокойство, как бы пол чердака не прогнулся под тоннами итальянской литературы. Тот день, когда муж обнаружил, что я по ошибке положила три его книги в коробку с ярлыком «Добрая воля»⁴, станет памятным в нашем браке. Он не скоро забудется – так же, как наша брачная ночь, когда Алессандро попытался затопить декоративный камин в номере гостиницы. Дым разбудил всех спавших глубоким сном постояльцев. Полыхавшее пламя останется в моей памяти, а эти три книги – в его.

Однако я не остановилась на книгах. Точно так же я поступила со своей одеждой, раздевшись с черными чулками восьмидесятых годов в нераспечатанных конвертах, с шелковой ночной сорочкой, которую надевала в свою задымленную брачную ночь, и с мини-юбками шестого размера. Отдала я и наши свадебные подарки. Мои школьные контрольные полетели в мусорную корзину, за ними последовали и эссе, написанные в колледже, и даже рисунки моих детей, которые я когда-то находила бесконечно милыми.

Годами мы говорили о том, чтобы поселиться на Манхэттене, с тем ностальгическим чувством, с которым моя мать обычно заявляла мне, что могла бы стать балериной, если бы не появилась я. Алессандро вырос в многоквартирном доме в центре Флоренции. Он тосковал по узким улочкам и шуму, с которым мусоровозы разбивают винные бутылки в четыре часа утра. Но я росла на ферме, и когда мы переехали на Восточное побережье, настояла на том, чтобы поселиться в пригороде – пусть даже мне придется преподавать в городе. Я считала, что родительский долг влечет за собой садик за домом, дерево под окном и велит жертвовать городскими удовольствиями.

⁴ В магазинах «Доброй воли» можно купить подержанные вещи по чисто символическим ценам. Эти вещи жертвует население, а выручка идет на благотворительные цели.

Итак, мы устроились в очаровательном доме в Нью-Джерси – с садиком, бредфордской грушей⁵, двумя кабинетами и сорока книжными шкафами. Но теперь, по прошествии лет, лежа на кушетке и поправляясь после операции, я вдруг осознала, что у меня нет здесь близких друзей, которые могли бы заглянуть и подать мне чай. Люди, которых я любила, жили в Нью-Йорке. Они могли ринуться через мост и нырнуть в туннель, чтобы доставить мне билет в спа – но только в городе.

Мы нашли риелтора.

Глядя из окна гостиной на грушу, я также обнаружила острое желание сделать себе сюрприз. Мне хотелось жить минутой – но только не *моей* жизни, а жизни кого-то другого. Конкретнее – кого-то из обитателей Парижа. Положение профессора имеет много недостатков (например, мизерное жалованье), но к ним не относится нехватка свободного времени. Мы оба могли взять академический отпуск на год, так что оставалось лишь продлить загранпаспорта. Как только Алессандро узнал, что в Париже есть итальянская школа, которую могут посещать наши двуязычные дети, я повернулась спиной к грушевому дереву и купила новые портьеры на окна. Пустые места на поредевших книжных полках я заполнила розовыми вазами. Дом был продан через пять дней – и это при том, что рынок недвижимости еще никогда не был таким скверным. С нашими автомобилями мы расстались в последнюю очередь.

Лука и Анна, младшие члены нашей семьи, были отнюдь не в восторге от перспективы отъезда во Францию. Особенно их ошеломил тот факт, что из всей нашей семьи только Алессандро говорит по-французски. Хотя дети получили хорошие оценки по французскому, который три года изучали в школе, они действительно не могли объясняться на этом языке. Я пыталась утешить моих скептически настроенных чад тем, что неспособность понимать наших соседей придаст их пребыванию во Франции еще больше шарма. Возникла угроза неповиновения, и я сказала, что в их возрасте тоже терпеть не могла своих родителей. Внушать страх и провоцировать мятеж у своих отпрысков – прямой родительский долг.

Мы поцеловали на прощание друзей, дали обещания насчет Фейсбука и упаковали игрушки. Было закуплено большое количество одежды с логотипами, поскольку один осведомленный друг заверил нас, что демонстрация американских брендов обеспечит популярность в школе Леонардо да Винчи.

Нас ожидал Париж: целый год без лекций и кафедральных обязанностей – просто *la vie parisienne*.

В августе мы поселились в квартире на улице Консерватории. Эта улица, растянувшаяся на два квартала, славится музыкой, которая в теплые дни доносится из открытых окон консерватории. Мы оказались в девятом округе, в квартале, где проживает много эмигрантов. Там находится Фоли-Бержер, а японских ресторанов больше, чем я могла бы пересчитать.

Я строила великие планы написать четыре книги за время пребывания в Париже: научную книгу о драме якобитских мальчиков в 1607 году, пару любовных романов и один исторический. Но, несмотря на эти амбициозные замыслы, я часами гуляла, а когда дождь стучал в оконное стекло, читала книги в постели. Иногда я тратила две недели на решение кроссворда в «Нью-Йорк таймс», пытаясь каждый вечер найти ключ к разгадке, на что у Уилла Шортца⁶, вероятно, ушло бы две секунды.

Довольно скоро я обнаружила один любопытный факт: если писатель не проводит несколько часов за клавиатурой ежедневно, то книга сама не пишется. Я всегда подозревала, что это так, но поскольку выросла в семье писателей (к тому же у нас не было телевизора), то у меня никогда не было шанса это проверить. Даже в бесславный период после колледжа

⁵ Это грушевое дерево широко распространено в Северной Америке и используется только как декоративное.

⁶ Редактор «Нью-Йорк таймс», заведующий отделом кроссвордов.

я, вернувшись с работы, корпела над романом. Вспомните, что моя мать сидела в постели в хосписе, правя корректуру. По-видимому, праздность не входила в мою ДНК.

И тем не менее я писала только в Фейсбуке, создавая там что-то вроде хроники онлайн и дублируя ее в сокращенном виде в Твиттере. В конце каждого дня мои крошечные заметки падали со страницы Фейсбука, перемещаясь в Старую почту. Мое щебетание испарялось, столь же эфемерное и тривиальное и столь же сладостное и беззаботное, как наши дни в Париже.

Подборка из этих записок, скомпонованных и отредактированных (некоторые были расширены до коротких эссе), и составила эту книгу. В основном я сохраняла краткую форму, так как она лучше передает аромат моих дней в Париже. Это мимолетные впечатления, зарисовки.

В Париже у меня не было списков необходимых дел и крайних сроков сдачи книг, зато были прогулки в парке и визиты в рыбную лавку. Крайние сроки проходили, не нанося катастрофического ущерба моей писательской карьере. Я расслаблялась, свободная от студентов и заседаний кафедры; *лень* перестала быть страшным словом.

Я так и не научилась жить минутой, но узнала, что можно тратить минуты попусту – и при этом мир продолжит вращаться на своей оси.

Это был великолепный урок.

Парижская осень

Мы провели лето в Италии, затем взяли напрокат машину и отправились в Париж. Я рисовала себе эту поездку как пресловутый «звездный час», прелюдию к целому году творческой свободы. Но на самом деле дети восприняли ее как шанс наверстать упущенное по части телевидения, которое теперь было доступно круглосуточно благодаря Интернету. «Взгляните, дети! – кричала я с переднего сиденья. – Справа от вас великолепный замок!» Единственным ответом был дикий хохот, вызванный остротами в адрес Рональда Рейгана из телевизионного шоу. А ведь их еще не было на свете, когда он был президентом!

* * *

Прошлую ночь мы провели у друзей, которым принадлежит сад киви в Чильяно, в северной Италии. Это окутанный туманом лес с рядами женских деревьев, отяжелевших от плодов, которые чередуются с бесплодными мужскими. В фермерском доме над кроватями имеются крюки, на которых подвешивают колбасы и сушат травы. Не выказывая ни малейшего уважения к традициям, Лука отпускал шуточки по поводу «мясных крюков» и умолял, чтобы ему разрешили ночевать в машине. Нам с трудом удалось скрыть от наших друзей, что он считает, будто их любимый дом на самом деле – склеп.

* * *

Когда мы снова оказались в машине – нам осталось преодолеть заключительную часть пути в Париж, Анна часами проигрывала неприличные звуки на своем айпode. Стараясь не обращать внимания на то, что моя десятилетняя дочь ведет себя так, будто ей вдвое меньше лет, я отвернулась к окну. Вдоль французского шоссе тянулись короткие вертикальные трубы, из которых высывались ростки папоротников. Их «оборочки» напоминали мне кукол из моего детства – казалось, эти куклы прячутся в трубах, поджидая шанса проехаться автостопом, если подвернется подходящая семья.

* * *

Наша консьержка, как выяснилось, не француженка, а португалка. У нее круглое лицо и радужная улыбка. Алессандро спустился с ней и исчез на целый час. Оказалось, они все это время обсуждали цены на овощи. Он сообщил мне, что владельцы магазинов на улице Каде, в двух кварталах от нас, все до одного воры. Вооруженные этими сведениями и послушно следуя инструкциям, мы отправились на крытый рынок, Марше Сен-Кентен, где дешевые овощи и честные торговцы. Там потрясающее разнообразие фруктов, включая четыре сорта винограда: мелкий пурпурный, крупный фиолетовый, на редкость сладкий зеленый, а еще крошечные зеленые виноградины с горькими косточками.

* * *

Мы только что провели три часа в банке, открывая счет. Мне казалось, что наш очаровательный говорливый банковский служащий никогда не умолкнет. Чем больше он болтал, тем больше я чувствовала себя американкой. Он даже дал нам телефонный номер на случай,

если понадобится совет относительно диеты. Должно быть, не все француженки тоненькие, если им приходится консультироваться на предмет диеты со своим банком.

* * *

Напротив нашего дома, через дорогу, стоит маленький отель, а справа – другой. Если пройти улицу до середины, увидишь огромную готическую церковь, которая называется Сен-Эжен-Сент-Сесиль. Кажется, Святая Цецилия – покровительница музыки: консерватория совсем рядом. Попав в эту церковь, ты словно находишься внутри эмалевой шкатулки для драгоценностей, над которой какой-то сумасшедший ремесленник трудился не один год. Все поверхности – колонны, стены, потолок – покрыты орнаментом, причем узоры разные. Мы глазели с открытым ртом, пока на нас не шикнули, так как шло богослужение. Мне было неловко, что я не понимаю ни слова. Я считала, что тому виной мой скверный французский, однако оказалось, что вся месса проходила на латыни. Мы собираемся сменить эту церковь на американскую католическую.

* * *

Лихорадочно готовясь к поступлению в девятый класс местной школы, Лука только что выпрямил свои красивые итальянские локоны. Теперь он похож на пятнадцатилетнего французского подростка, но только с итальянским носом.

* * *

Сегодня мы участвовали в необычном мероприятии: тысячи парижских хиппи проносились на роликах по средневековому мосту над Сеной, сиявшей под лучами солнца. Участвовали до тех пор, пока я не отлетела, столкнувшись с каким-то незнакомцем, и не шлепнулась на попу. Организатор состязания сказал мне с милой улыбкой, что «это есть слишком difficile⁷». Как говорится, так уж вышло. Мы сели на стулья уличного кафе и, попивая апельсины, наблюдали, как мимо течет Париж. Затем мы поехали домой, то и дело нажимая на тормоза.

* * *

Сегодня утром я увидела в метро шикарную француженку... в берете. Как же такое возможно? Если бы берет надела я, то стала бы похожа на одного из бурундуков в «Элвине и бурундуках»⁸, исполняющего музыкальный номер из «Поющих под дождем»⁹.

* * *

Анна ненавидит Париж. Ей ненавистен переезд, ненавистна разлука с друзьями, ненавистна ее новая школа – словом, ненавистно все. Я – единственная мать во Франции, которая тащит по улице ребенка, уткнувшегося носом в книгу, лишь бы не видеть ничего парижского.

⁷ Трудно (*фр.*).

⁸ Американский фильм.

⁹ Американский музыкальный фильм 1952 года с участием Джина Келли.

* * *

В нашем доме широкая лестница с удобными ступенями и окна с цветными стеклами, выходящие во двор. А еще – крошечный лифт, который тащится очень медленно. Мы с мужем можем в него втиснуться, только стоя вплотную друг к другу и втянув животы. Иногда в лифт влезают и сумки с продуктами. Детям приходится подниматься по лестнице пешком. Когда я выхожу из лифта, то обычно вижу Анну, лежащую на последних ступеньках. Она делает вид, что задыхается, одна рука протянута к запертой двери: моя дочь разыгрывает сцену «умирающий в пустыне видит мираж».

* * *

Мясник с нашей улицы решил за мной приударить! Из-за этого у меня такое чувство, будто я попала в фильм. Он сделал мне скидку в одно евро на сосиски. Алессандро придерживается неромантического мнения, что мясник просто превосходный коммерсант. И это верно. Теперь я его клиентка до конца своих дней.

* * *

Алессандро родился и вырос во Флоренции, и природа наделила его страстью к изучению языков (английский и латынь в школе, французский, немецкий, русский и древнегреческий после). Когда мы познакомились, у него был очаровательный акцент, который исчез после того, как его, как он это называет, завлекли в семейную жизнь. Теперь он профессор итальянской литературы в Рутгерском университете и даже возведен в рыцарское достоинство итальянским правительством за какой-то туманный интеллектуальный вклад в республику. Во всяком случае, Алессандро решил не упускать возможности довести свой французский до такого же совершенства, как английский. С этой целью он вывесил в Интернете объявление, в котором предлагал беседовать час на итальянском в обмен на час на французском. Его засыпали ответами. Большинство откликнувшихся, судя по всему, расценило его предложение как возможность свидания «вслепую». Мне лично больше всего понравилось послание от Даниелы («но некоторые называют меня Дашей, так что выбирайте»), которая написала, что у нее есть лишний билет на «Щелкунчика» и что они прекрасно проведут время, беседа по-французски, – особенно после того, как выпьют много шампанского.

* * *

Сегодня утром тайский ресторан в конце нашей улицы взорвался, в результате чего появились клубы белого дыма и ужасный запах жженой резины. Консьержка поднялась на четвертый этаж, чтобы сообщить нам, что считает, будто владельцы ресторана занимались чем-то нечестивым у себя в подвале.

* * *

Оказалось, что женщина, которая работает в итальянском продуктовом магазине на нашей улице, – из родного города Алессандро. Как только был установлен этот интересный факт, она взяла на себя заботу о его покупках: отставила в сторону оливковое масло (низкого качества), посоветовала взять моцареллу «Буффало» (более свежую, чем сыр, который он

выбрал) и отрезала ему пармской ветчины вместо «Сан-Даниэле». Мне пришло в голову, что таким образом хитрая флорентийка под предлогом родства выудила несколько лишних евро из кошелька Алессандро. Однако ее нежная, мягкая моцарелла того стоила.

* * *

Сейчас ночь, целый день шел дождь... Окна открыты, и из консерватории доносятся мелодии дивной оперы.

* * *

Как и в любом большом городе, в Париже есть бездомные. Однако никогда прежде я не видела, чтобы женщина тщательно подметала порог, где собирается спать вместе с бэби и мужем. У некоторых бездомных парижан имеются походные палатки, которые они ставят прямо посреди улицы. У многих есть ухоженные кошки и собаки на поводках.

* * *

Mirabile dictu!¹⁰ Анна наконец-то нашла в Париже две вещи, которые ей нравятся. Первая – шоколад, вторая – лавка крысолова, в которой четыре большие крысы свисают вниз головой из мышеловок. Мы делаем крюк, чтобы поглазеть на них, когда идем за покупками.

* * *

Типичнейшая французская сценка: два мальчика играют на улице с багетами, причем это у них не шпаги, как я сначала подумала, а гигантские пенисы.

* * *

Большие волнения! У нас только что побывал трубочист, которого якобы прислала страховая компания нашего хозяина. Он принялся за работу, но тут Алессандро решил его проверить. Оказалось, это было надувательство с целью выманить у нас деньги, так как в услугах трубочиста не нуждались. Мошенника, который успел прочистить две трубы, выставили вместе с его щетками и прочим снаряжением, причем было много выкриков на французском. Все это было очень в духе Диккенса.

* * *

Анна только что сообщила мне о моей кончине. Она воссоздала нашу семью в компьютерной игре «Симс», и я умерла после того, как отказалась прервать чтение ради того, чтобы поест. «В следующий раз, – сказала она, – я сделаю тебя рок-звездой, и тогда ты не будешь безвылазно сидеть дома».

¹⁰ Странно, удивительно (лат.).

* * *

У нас в Штатах мясо продается в пластиковой упаковке, а здесь оно выглядит на редкость свежим. Мясник подпаливает последние перышки на упитанном гусе, выкладывая его перед вами. Вначале голуби напоминали мне об окне моего кабинета на работе в Нью-Йорке, теперь же я вижу в них просто маленьких вкусных куриц. «Био» – то есть натуральный голубь – особенно соблазнителен.

* * *

За окном моего кабинета бесшумно движется вниз деревянная платформа с верхнего этажа. На ней спускают изысканную мебель: изумительные кресла, библиотечный столик, антикварный письменный стол. Это зрелище пагубно для моего рабочего графика, так как каждые пятнадцать минут я вскакиваю со своего стула, чтобы полюбоваться на раритеты.

* * *

У итальянской школы Леонардо да Винчи неприметная входная дверь, но ее легко найти: на тротуаре перед школой стайка итальянских *mammas*¹¹ бурно обсуждает, как трудно найти в Париже хорошую пасту. Лука вернулся домой после первого дня в школе с таким выражением лица, будто его контузило. Он должен будет заниматься «архитектурным черчением» (что бы это ни значило), переводом с латыни на итальянский и какой-то математикой, которую ему не удалось опознать. Мы думаем, что это продвинутая геометрия.

* * *

Как оказалось, американская католическая церковь находится на авеню Ош, на приличном расстоянии от нашего дома. Месса перенесла меня в мой лагерь лютеранской Библии 1970-х: было много гитар, мы держались за руки и пели: «Нужна лишь искра, чтоб костер разжечь...»¹²

* * *

Между половиной седьмого и семью часами вечера почти каждый прохожий размахивает багетом, завернутым в обрывок белой бумаги. Мир внезапно наполняется хрустящим хлебом.

* * *

Мы – владельцы чихуахуа по имени Мило, страдающего ожирением. Он регулярно совершал перелеты между Соединенными Штатами и Италией до того рокового августа, когда авиакомпания «Эр Франс» заявила, что он слишком толстый для самолета. С тех пор он живет во Флоренции у матери Алессандро, Марины, стряпня которой оказывает дальней-

¹¹ Мамы (*ит.*).

¹² Песня французского рок-певца Джонни Холлидея.

шее пагубное воздействие на его талию. Марина сегодня звонила, чтобы сообщить, что из-за стресса Мило поправился еще на несколько фунтов (хотя черствый ветеринар предположил, что прибавка в весе – результат того, что он объедается ветчиной). Причину стресса Мило трудно определить: ему ни в чем нет отказа, и он спит на бархатной подушке, как императорский кот в сказке. Однако Марина заявляет, что присутствие других собак на улице (а если брать шире, то и во всем мире) сильно его расстраивает.

* * *

Из-за дикой спешки утром я не успела позавтракать, так как старалась вовремя доставить Анну в школу. Возвращаясь домой на метро, я скинула пальто – и обнаружила, что на мне пижамная куртка. Я проехала с горящими ушами восемь остановок среди элегантных пассажиров (из-за тесноты невозможно было снова надеть пальто), делая вид, будто это вовсе и не я стою тут в веселенькой фланелевой пижамке в зеленую и желтую полоску.

* * *

У нас дома оба моих ребенка ходили в школу квакерского толка, где в качестве наказания применялись задушевные беседы – здесь же учителя кричат на учеников и заставляют стоять у стенки. И, что еще хуже, всего через несколько дней занятий Лука и Анна обнаружили, что они последние в классе – каждый в своем. И мы с тревогой подумали, что, хотя в обожаемой американской школе их научили быть очень милыми, возможно, там были серьезные упущения по академической части.

* * *

Воскресное утро, одиннадцать часов. Медный духовой оркестр из четырех человек остановился на углу нашей улицы и сыграл мелодии из «Моей прекрасной леди». Мы все столпились у окна, и музыканты, послав нам воздушные поцелуи, попросили бросить им деньги. Что и сделали с превеликим удовольствием мои дети.

* * *

Анна резко распахнула дверь квартиры, вернувшись после школы.

– Мама! На меня сегодня напали!

– Что случилось? – спросила я.

– Девочка по имени Домитилла меня ударила! – ответила Анна, округлив глаза. – Она сказала, что я кричу ей в ухо.

Мы выбирали школу Анны в Нью-Джерси именно с учетом такого рода конфликтов. Там уделялось много времени тому, чтобы научить школьников отвергать насилие и разрешать конфликтные ситуации. Они изучали Махатму Ганди и Мартина Лютера Кинга. Я с надеждой осведомилась, как же отреагировала Анна на свое первое столкновение с агрессией на школьной площадке для игр.

– Я дала ей сдачи, – пояснила дочь. – Моя рука просто сама поднялась в воздух.

* * *

Вчера я зашла в парикмахерский салон и попросила покрасить мне волосы в мой привычный рыжий цвет. Но coiffeur¹³ отрезала: «Non!¹⁴ Для вас – золотой. В рыжем нет шика». Хорошо, что в нашей квартире милосердные лампочки с малым количеством вольт – потому что при ярком свете я превращаюсь в цветочек «ноготок».

* * *

Алессандро попросили стать членом комитета школы Леонардо да Винчи. Он трогательно возражал, что находится в академическом отпуске и не может участвовать в работе комитета, но в конце концов согласился. Сегодня было собрание под девизом «Добро пожаловать в школу». Учительница итальянского, преподающая в классе Анны, заявила, что в этом классе плохо обстоит дело с дисциплиной, так что этих детей трудно будет обучать. Мать одной ученицы поднялась и сказала, что ее дочь – назовем ее Беатриче, – пожаловалась на то, что ей велели замолчать. «Вы не должны затыкать рот моей дочери, – возмущалась мать Беатриче. – Это ее травмирует. Я растила ее, чтобы она свободно высказывала свое мнение». А я-то думала, что такая патологическая одержимость свободой речи для детей – отличительная черта американцев. Приятно сознавать, что зря клеветала на свою родную страну.

* * *

Я открыла по крайней мере один секрет худобы француженок. Вчера мы провели вечер в ресторане, где за соседним столиком сидела шикарная семья. Принесли хлеб, и тощая девочка-подросток потянулась за ним. Не моргнув глазом, тапан¹⁵ схватила корзинку и поставила на книжную полку рядом со столиком. Из сочувствия я налегла на хлеб.

* * *

Алессандро ходил за покупками, а вернувшись, сказал:

– Я собирался купить тебе цветы из-за того, что мы вчера повздорили.

Я взглянула на его пустые руки, и он пожал плечами.

– Выбор был слишком велик.

¹³ Парикмахер (фр.).

¹⁴ Нет (фр.).

¹⁵ Мать (фр.).

Эйфелева башня

Как-то раз в октябре мы забрали Анну и ее новую подружку Эрику после занятий и пошли с ними к Эйфелевой башне. Девочки бежали впереди, высоко подпрыгивая и выписывая виражи, как подвыпившие летчики-истребители, которым хочется покрасоваться. Мы с Алессандро недоумевали, почему французы собирались демонтировать башню после Всемирной выставки в 1889 году. Ведь она так красива, что разрушить ее – все равно что замазать краской Мону Лизу из-за ее длинного носа.

Как говорится в моем путеводителе, на Сене, почти у самого подножия Эйфелевой башни, пришвартованы маленькие bateaux mouches, или туристские катера. Мы шли под железными кружевами, а девочки с плеском неслись по воде, вскрикивая, как чайки. На берегу мы заплатили за дешевые билеты – без блинчиков и шампанского. Поскольку нужно было ждать двадцать минут, мы отправились к карусели, стоявшей у реки. Полная женщина с трудом умещалась в маленькой кассе, отгораживавшей ее от туристов и дождя – правда, ни того ни другого пока не наблюдалось.

Анна и Эрика забрались наверх, но механик ждал, очевидно, надеясь, что двое детей привлекут других. Девочки напряженно сидели на своих ярко раскрашенных лошадках, и их тощие ноги казались слишком длинными. Скоро эти десятилетние девчушки будут стесняться таких детских развлечений, но пока это время еще не пришло.

Наконец заиграла музыка, и лошадки дернулись вперед. Карусель в солнечный день – это мелькание детских улыбок и подпрыгивающих попок. Но когда девочки скрылись из виду и нам осталось лишь любоваться лошадками без всадников, я осознала, что пустая карусель в пасмурный день утрачивает свое неистовое веселье. Исчезает впечатление, будто лошадки несутся к какой-то радостной финишной черте.

Тех, на которых сидели девочки, словно нашли на свалке. У лошади Анны не было половины передней ноги.

Они выгибали шеи, как боевые кони, покрытые шрамами и печальные, которые перебираются через Альпы во время военного похода. Каждая выбоина от детских пяток была четко видна на золотой краске.

Поскольку механику некуда было идти и нечего делать, он все катал и катал девочек. Но наконец музыка замедлилась, и в воздухе повисли последние нестройные ноты.

Я решила, что нет более грустного зрелища, чем французская карусель в дождливый день, и подумала, что уж лучше бы мы заплатили за шампанское и блинчики.

* * *

По дороге в школу, в метро, Анна изображала свою учительницу, которая в ярости топала ногами и кричала: «Заткнитесь! Сядьте! Маленькие кретины!» Весь вагон хохотал, хотя Анна совершенно не подозревала о своей очарованной и восторженной публике.

* * *

Алессандро принес домой на редкость удачный презент, компенсируя вчерашнюю неудачу с цветами: сыр в форме сердечка, сорт камамбера/бри, жирный, как масло, но в два раза вкуснее. Мы ели его с хрустящим хлебом и с простым салатом из оранжевых перцев, а на десерт – киви.

* * *

Я только что наткнулась на список, который набросал Лука на листе бумаги. Сверху он написал (курсивом): «Конец». Список озаглавлен «Несколько проблем».

- *Не умею писать курсивом.*
- *Не умею писать по-итальянски.*
- *Не думаю, что правильно записал домашнее задание по математике.*
- *Нужно написать эссе по-французски к понедельнику.*
- *Нужны мои книги к завтрашнему дню.*

Я чувствовала себя ужасно. Что мы наделали, притащив его сюда! У меня будет язва от одного только чтения этого списка.

* * *

Моя сестра упомянула перед нашим отъездом во Францию, что родственник с материнской стороны опубликовал мемуары о своей жизни в Париже. Я никогда не слышала о Клоде К. Уошбэрне, который был одним из братьев бабушки и умер еще до моего рождения. Сегодня пришли по почте «Страницы из книги о Париже», опубликованной в 1910 году. Насколько мне известно, Клод родился в Дулуте, штат Миннесота, и переехал в Европу после получения диплома. Жил во Франции и в Италии. Проведя в Париже около года, он женился на женщине с необычным именем Иве. Я только начала читать его книгу, но пока что он характеризует брак как «постыдный институт» и похвально своей «все усиливающейся экзальтацией» по поводу того, что остается холостяком, осторожно ведя судно мимо «матримониальных скал, которые являются преградой на пути к ранним успехам, – в открытое море холостой жизни». Должно быть, Иве потопила его судно, прежде чем он успел обойти ее скалы.

* * *

Когда мы обедали вне дома, внезапно разразился ливень, такой сильный, что над тротуаром поднимался белый туман от дождя. Мы бежали всю дорогу до дома, шлепая по лужам, мимо парижан с зонтиками и туристов, сделавших треуголки из газет. Вода стекала нам за воротник, и на протяжении всех восьми кварталов нас сопровождал неумолчный вой Анны.

* * *

Сегодня я пошла к своему игриво настроенному мяснику и указала на сосиски. Он свернул кольцом семь футов сосисок и положил на весы со словами: «Мужчине, который на вас женат, нужно есть много сосисок». Одна из проблем с моим французским заключается в том, что мне требуется время, чтобы обдумать ответ. В результате я очутилась на улице с избытком сосисок и весь следующий час безуспешно пыталась придумать ответ на французском, который смогла бы использовать в своей следующей жизни. В той жизни, в которой я буду свободно изъясняться на нескольких языках и мне никогда не придется лезть за словом в карман.

* * *

Вчера Анну дважды ставили у стенки в течение одного урока. Я спросила, за что ее наказали, и она ответила, что не помнит. Во всяком случае, мальчишки ведут себя еще хуже, сказала она. Я не могу дождаться встречи родителей с учителями. «Она плохая американка» прокручивается в моей голове на мотив «Она очень хорошенькая дев-в-вочка...»

* * *

Из многочисленных мостов Парижа мой любимый – мост Александра III, а моя самая любимая из статуй – смеющийся мальчик с трезубцем в руке, который сидит верхом на рыбе. Хотя это ребенок, он больше меня. И все же это еще совсем маленький мальчик с простой душой улыбкой, который еще незнаком с печалью и обманами мира. На дальнем конце моста Александра III, напротив морского мальчика, сидит его сестра-близнец. По-видимому, она только что вышла из воды. В одной руке у нее пучок водорослей, в другой – раковина, которую она поднесла к уху. Девочка вглядывается в даль, напряженно слушая. Мне кажется, что она прислушивается к рокоту волн, к звукам дома.

* * *

У каждого Питера Пэна есть свой Крюк¹⁶, у Гарри Поттера – свой Малфой... Немецкая Анна – Домитилла, юная леди, которая ее ударила на площадке для игр. Домитилла – болтливая итальянка, которая жаждет всегда быть в центре внимания (это почетное место Анна не собирается никому уступать). «Она – дьявольское отродье», – совершенно серьезно сказала мне сегодня утром Анна по пути в школу.

* * *

– Нам бы хотелось белого вина, – говорит Алессандро нашему виноторговцу, месье Жюно.

– Что вы будете есть? – осведомляется месье Жюно.

– Палтус с мятой и лимоном, – отвечаю я.

– А гарнир?

– Картофель.

– Мелкий или крупный? – продолжает расспросы месье. Кто же знал, что *это* имеет значение?

– Мелкий.

Наше меню в устах месье Жюно звучит, как *carte du jour*¹⁷ в ресторане с мишленовскими звездами.

– Вино для вас, – говорит он, любовно выбирая бутылку. Дома оказывается, что рыба совершенно несъедобна, зато вино – просто чудо.

¹⁶ Пиратский капитан Джеймс Крюк – персонаж повести английского писателя Д. Барри (1860–1937) «Питер Пэн и Венди», опубликованной в 1911 году.

¹⁷ Меню (*фр.*).

* * *

Лука подцепил вирус и сегодня утром жалобно заявил, что в мире есть только одна вещь, которую он мог бы заставить себя съесть: «Фрут Лупс»¹⁸ (завтрак «Фруктовые колечки»). Когда я забрала Анну из школы, мы, сделав крюк, зашли в маленький магазин под названием «Настоящая Маккой»¹⁹, который поставляет провизию для американских эмигрантов, страдающих ностальгией. Нам повезло! Мы купили желтый сахарный песок, маршмеллоу²⁰ и «Фрут Лупс». Лука съел три миски.

* * *

Балерины выбегают из консерватории покурить. Они стоят стайкой у лестницы, и кости на бедрах так и выпирают. Сегодня две из них просто великолепны в розовых пачках, и они разминаются с отсутствующим видом.

* * *

Сегодня днем я упорно трудилась над «Поцелуем в полночь» – это мой ремейк «Золушки». Моя героиня – плоскогрудое, несчастное создание, и ее преображение включает пару восковых грудей. Это достоверный исторический штрих, о котором очень забавно писать. Я подкинула ей множество бед и не нарадуюсь тому, что прошла через пластическую хирургию и мне не надо разгуливать с восковыми грудями.

* * *

Сегодня у Алессандро была первая встреча с французом, откликнувшимся на объявление в Интернете об «обмене беседами». Его зовут Флоран, и он хочет изучать итальянский, так как купил земельный участок в крошечной деревушке возле Лукки, в Тоскане, и планирует построить там дом. Но главная причина заключается в том, что он влюбился в официантку, которую встретил в этой деревушке. Очевидно, она очень, очень застенчивая и сдержанная.

* * *

Проснувшись сегодня утром, мы увидели завесу из дождя, который лупил с такой силой, что мне со сна показалось, будто наша спальня находится позади водопада: мы в темной прохладной пещере, а вместо наших больших окон – лавина низвергающейся воды.

* * *

Сегодня Анну выставили из класса на уроке математики и послали в вестибюль «поразмыслить о самой себе». Я спросила, о чем же она думала. Вместо того чтобы заняться само-

¹⁸ Froot Loops (англ.) – сухой завтрак в виде разноцветных колечек.

¹⁹ Название американского фильма.

²⁰ Очень сладкие белые воздушные пастилки, похожие на зефир.

оценкой, она, оказывается, планировала новую семью в Симс. Правда, она призналась, что боится, как бы я ее не убила, прежде чем она займется этой компьютерной игрой.

* * *

Обеспокоенная подруга только что сообщила мне из Англии, что в книге ее сына по экономике приводится следующий факт: каждый год госпитализируют 650 парижан из-за несчастных случаев, виной чему собачьи фекалии. После того, как я прожила здесь почти два месяца, меня ничуть не удивила эта информация. К счастью, мы (пока что) не входим в число пострадавших.

* * *

Я шла домой в сумерках, и все прохожие отщипывали от багетов. Тротуар выглядел так, будто сотни потерявшихся детей разбрасывают крошки, чтобы потом найти дорогу домой.

* * *

Главная соперница Анны, Домитилла, только что вернулась с похорон своей бабушки в Италии. Когда Домитилла оторвала взгляд от гроба, то, посмотрев вверх, увидела Иисуса, висящего в воздухе. Комментарий Анны: «Я была сильно удивлена, услышав такое». Но другой одноклассник, Винченцо, вступил в разговор и сказал, что знает мальчика, у которого совсем нет ног. Он пошел в церковь и помолился, а после того, как увидел в воздухе мужчину с седой бородой, встал и пошел. «И это даже лучше, чем просто увидеть Иисуса», – заключила Анна.

* * *

Моя издательница заехала в Париж по пути на книжную ярмарку во Франкфурте. Она пригласила меня на ланч в «Брассери Липп»²¹, где каждый день завтракали Симона де Бовуар и Жан-Поль Сартр. Я ела какой-то темный рыбный суп, очень вкусный, и выпила слишком много вина. Мы беседовали о кулинарных книгах и о нашей жизни до детей.

* * *

Люди здесь целуются все время: романтично, печально, нежно, страстно, здороваясь и прощаясь. Они целуются на берегах Сены, под мостами, на углу улиц, в метро. До вчерашнего дня я не подозревала, что Анна это замечает. Дело было так: я высказала предположение, что, возможно, ситуация в ее классе с матерью-одиночкой объясняется разводом. Анна со мной не согласилась. «Они здесь не разводятся, – заметила она. – Это все из-за того, что они так много целуются».

²¹ Brasserie Lipp (*фр.*) – кафе, которое в 1958 году было награждено орденом Почетного легиона как лучший литературный салон Парижа. Открылось в 1880 году на бульваре Сен-Жермен.

* * *

Очень ранним утром свет исходит лишь из закрытых пекарен. Стулья поставлены вверх ножками на столы, но запах свежее испеченного хлеба – словно приглашение.

Выволочка от Диора

В начальной школе Мэдисон я носила исключительно платья. Даже если на улице был глубокий снег, мы с сестрой снимали в школьном вестибюле теплые комбинезоны, под которыми обнаруживались шерстяные колготки. В глазах моей матери мы были юными леди, а леди носят платья, надевают белые перчатки в церковь, шляпы на Пасху и спят в длинных фланелевых ночных рубашках.

Обычно она сама шила эти платья по выкройкам «Симплисити»²², к которым прилагались иллюстрации. На них были изображены невероятно стройные девушки с неестественно длинными ногами. Этими рисунками был завален дом, и стильный пояс, охватывающий бедра нарисованной девушки в платье из шотландки, никогда не удавался в маминой интерпретации. К тому времени, когда мне исполнилось десять, у меня появились приступы вожделения к тряпкам. Даже сейчас, столько лет спустя, я помню некоторые предметы туалета, которых страстно желала в 1974 году. Моя одноклассница Рейчел Ларсон, конечно, забыла свои джинсы с джинсовой курткой, в которых появилась в первый учебный день в четвертом классе.

Я не забыла.

Только после поступления в среднюю школу мне позволили купить экзотическую вещь, а именно – брюки. Это были оранжевые с подпалинами брюки клеш из вельвета. Недавно я осознала, что и теперь, когда мне скоро стукнет пятьдесят, все еще ношу версию тех же брюк клеш.

На занятия я надеваю женский вариант деловой одежды для мужчин, вплоть до туфель со шнурками. Но когда мне не нужно думать об аудитории, я жертвую модой ради тепла и натягиваю ботинки на меху, неизменные брюки клеш и шелковые блузки, отделанные кружевами, которые кокетливо выглядывают из любого просторного свитера. Я создала этот имидж, когда мне было двадцать с небольшим и когда соблазнительные кружева были... вот именно, соблазнительными. Теперь в них нет ничего чувственного и даже отдаленно модного, но я верна однажды созданному имиджу.

Почти весь четвертый класс школы Леонардо да Винчи ходит на занятия в церковь, которая находится в районе самых шикарных магазинов Парижа. Однажды в сентябре я оставила Анну заниматься ее духовными исканиями и приступила к своим собственным, прогуливаясь по авеню Монтень, мимо витрин Диора, Фенди, Лакруа и Готье.

Витрины Диора были особенно чарующими. Я повернула назад, чтобы еще раз взглянуть на платье из темно-лилового шелка с плиссированной юбкой и с широким хомутиком того же цвета на шее. Манекен ожил в моем воображении. Я представила себе роскошную женщину, которая wpłyает в гостиную – правда, потом она укоризненно взглянула на мои поношенные туфли и запачканную манжету белой рубашки.

И тут я обнаружила, что на мне один из бесчисленных черных свитеров Алессандро, такой мешковатый, что я в нем выглядела беременной. Я поспешно застегнула пальто. Туфли были мужского фасона, удобные для долгих прогулок. И, конечно, брюки клеш. У меня не было полной уверенности, что я подкрасилась перед тем, как выйти на улицу.

На обратном пути в церковь я заметила, что на улице полно парижанок, которым за сорок и за пятьдесят – они ни под каким видом не стали бы выпускать кружева из-под мужского свитера. Они шли мимо меня торопливой походкой, цокая высокими каблучками черных сапог. Шарфы были завязаны с небрежным изяществом, пальто ловко облегли фигуру.

²² Женский журнал о шитье.

И тут на меня вновь нахлынули тоска и вожделение, с которыми я пожирала глазами стильный джинсовый костюм Рейчел Ларсон. Элегантность манекена в витрине Диора, безмятежность, вздернутый пластмассовый подбородок и изгиб пластикового запястья делали эту высокую моду столь же недостижимой и мучительной, как тот вожденный костюм.

Почти весь октябрь я слонялась по авеню Монтень целый час, который Анна еженедельно посвящала духовному образованию, и смотрела на манекен, облаченный в шелковые творения кутюрье. К Новому году было принято решение: я должна выяснить, что значит элегантность в пятьдесят — эта веха уже маячила впереди, и до нее оставалось всего несколько лет.

Я отказываюсь во второй половине моего столетия носить ботинки на меху и свитера Алессандро. Я намерена досконально узнать, что именно покупают эти француженки и (что еще важнее) как им удастся выглядеть потрясающе элегантно после достижения «определенного возраста». В самом деле, жаль, что моей мамы уже нет в живых.

Наконец-то я решила одеваться как леди.

* * *

Вчера Анна заявила, что она вместе со своей приходящей няней видела «сердитую толпу, штурмующую улицу». Я мысленно взяла на заметку, что Алессандро следует сократить чтение Диккенса перед сном. Но затем прочитала о забастовке: вероятно, в знак протеста против цен на зерно фермеры разбросали на Елисейских Полях охапки сена и подожгли их. Это действительно говорит об определенном уровне недовольства.

* * *

Я хожу по улицам и с наслаждением слушаю болтовню французов, понимая не больше, чем человек, внимающий щебету воробьев, усевшихся на телефонные провода. Эти люди действительно беседуют или просто что-то напевают друг другу? Они выглядят слишком элегантными и изысканными, чтобы произносить те грубые фразы, которыми обмениваются жители Нью-Йорка.

* * *

Французские курицы продаются с головами и ногами. Мой мясник берет птицу на руки, как беби, затем помахивает ее головой в сторону Анны — получается куриная версия «Челюстей».

* * *

В Париже моя талия увеличилась, и я приняла решение бегать трусцой. Чтобы запастись всем необходимым снаряжением, мне потребовалось несколько недель. Я приобрела айпод, пару кроссовок, шапку и спортивный свитер. Сегодня утром, когда больше не осталось предлогов, чтобы не бегать, я заставила себя выйти на улицу. Осенний воздух был бодрящим, и Леонард Коэн²³ напевал в моих наушниках что-то о прощаниях. Целых семь минут добродетели! Мои амбиции не столь уж велики.

²³ Канадский поэт, певец и автор песен.

* * *

Алессандро случайно встретил сегодня учительницу, которая ведет в классе Луки архитектурное черчение, и осведомился, как его успехи. Плохо. Оказалось, что с начала семестра Лука палец о палец не ударил. «Он такой милый мальчик, – сказала она Алессандро. – Он смотрит, как другие дети сдают мне свое домашнее задание, но никогда не делает это сам». Сегодня вечером Лука вполне резонно сказал, что, поскольку он понятия не имеет, с чем едят архитектурное черчение, то и не пытается выполнять задания. Правда, ему трудно было объяснить, почему он не поделился этим важным фактом с нами.

* * *

Вчера ночью я спросила Алессандро, случалось ли ему думать о шоколаде, лежа в постели, – скажем, о том, как меняется вкус темного шоколада, если добавить апельсиновую цедру. Он ответил отрицательно. А потом сказал, что он думает в постели о еде, только если просыпается среди ночи и хочет бифштекс. Вот тут-то и подтверждается глубокая истина о разнице между полами.

* * *

Когда я встречала Анну после занятий в школе, она сообщила, что сегодня «великий день».

– Вау! – воскликнула я. – Что же случилось?

– На меня не кричали, – с гордым видом ответила она. И добавила: – Ну, может быть, на одном уроке.

Она худая как щепка, белокурые волосы распущены, на одной щеке – ямочка. Глядя на нее, и не подумаешь, что она близко знакома с кабинетами директора школы на двух континентах.

* * *

Я прошлась в сумерках по «Галери Лафайетт» – одному из самых роскошных универсамов в мире. Над прилавками косметики, расположенными на главном этаже, мерцает купол потолка из цветного стекла, напоминая огромный калейдоскоп. У косметической компании «Ля Мер» вместо прилавков – извилистый аквариум длиной в девять футов. У «Дольче и Габбана» – свой собственный маленький салон с люстрами из черного стекла, элегантными и немного зловещими.

* * *

Quelle horreur!²⁴ Консьержка пришла сделать уборку и заметила, что вся наша стеклянная посуда в мутных разводах, которые сводят меня с ума. Может быть, дело в коробке с порошком для мытья посуды, которым мы пользуемся? Соль! Она была похожа на средство

²⁴ Какой ужас! (фр.)

для мытья посуды, а коробка находилась под раковиной, так что я ни разу не удосужилась взглянуть на ярлык. Целых два месяца мы сыпем в посудомоечную машину одну соль!

* * *

Вчера вечером мы сходили в местный тайский *gastronomique*²⁵ ресторан – это название означает, что там чуть больше фантазии и подают коктейли с манго. В зал вошли мужчина с сыном, за ними плелась очень старая, хромая охотничья собака золотистого цвета. Ей захотелось прилечь, и она развалилась, раскинув лапы, прямо в центре прохода. Это было вечером в пятницу. Официанты и все посетители терпеливо перешагивали через пса или обходили его – все снова, и снова, и снова... Браво, Франция!

* * *

Идет дождь. Бездомный, который обычно сидит на тротуаре возле нашей станции метро, не ушел со своего места, но раскрыл один большой зонт над собой, второй, поменьше, – над своей собакой, а третий – над имуществом. Зонтики похожи на разноцветные грибы, внезапно выросшие из асфальта. Они чудесно смотрятся на фоне серых зданий, низенькие и яркие.

* * *

Алессандро и Лука, усевшись в столовой после занятий в школе, сражались с заданием Луки по архитектурному черчению. После невероятных усилий они наконец предъявили сложный с виду план, изобилующий кружками, стрелками и линиями, направленными во все стороны.

– Как же вам удалось это сделать? – спросила я.

– В основном мы срисовали с книги, – признался Алессандро. Решив быть образцовой женой, я ничего не сказала о том, как следует профессору относиться к плагиату.

* * *

Одна из приятельниц Алессандро по колледжу, Донателла, работает здесь в Итальянском институте культуры. У нее день рождения, и мы приглашены на обед в «Ладюре», ресторан на Елисейских Полях, основанный в 1800-х. Он славится своими кондитерами, которые изготовили миндальное печенье для фильма Софии Копполы «Мария-Антуанетта». Мы собираемся разодеться в пух и прах и выпить много шампанского.

* * *

Анна, глядя на мою страницу в Фейсбуке:

– А ты можешь поменять эту картинку?

– Да, – отвечаю я.

– Тогда почему бы тебе не поместить туда меня?

– Тебя? С какой стати?

²⁵ Гастрономический (*фр.*).

– Потому что я твое мини-Я. Стоит мне лишь надеть очки – и никто не догадается, что это не ты.

Вообще-то ей только что исполнилось одиннадцать, она блондинка и весит около четырех фунтов. Мне сорок семь, я рыжая и вешу значительно больше.

* * *

В «Ладюре» я ела потрясающую рыбу с имбирным фенхелем. Как ни странно, единственным разочарованием был десерт, выбранный из меню на десять страниц. Мы внимательно его прочли, и я наконец выбрала ромовый кекс. Он был какой-то мокрый, и его принесли в пластиковом стаканчике, так что сложилось впечатление, будто его выдал какой-то подвыпивший автомат. Розовое шампанское – собственный бренд «Ладюре» – превосходно.

* * *

Мы проходили мимо группы парижских подростков, которые шумно гоготали на улице. Алессандро заметил, что мы никогда больше не смеемся вот так. Счастье теперь более спокойное – это радость от смеха наших детей или блаженство от любимой песни – когда у меня действительно есть время ее послушать.

* * *

В школе перемена, и я повела Анну и ее подружку Николь в Маре. Мы позавтракали в «Де Гар дан ля Куизин» – шикарном ресторане на улице Вьей-дю-Тампль²⁶. В нишах больших низких окон стоят диванчики с красными подушками. Девочки ели гамбургеры с новым кулинарным изыском: официантка любезно принесла к ним маленькие горшочки с яблочным соусом. К несчастью, как только она повернулась к девчонкам спиной, они с презрением заявили, что яблочный соус – еда для беби. Таким образом, мне пришлось съесть содержимое обоих горшочков, чтобы официантка не обиделась.

* * *

Наши дети сводят нас с ума. Сегодня Алессандро сделал нам сюрприз: он вернулся домой с билетами на поезд в Лондон на завтра. Очевидно, поездка на «Евростаре» через туннель под Ла-Маншем займет всего два часа.

* * *

Евростар, который курсирует между Лондоном и Парижем, абсолютно надежен; в результате мы чуть не опоздали на поезд. Мы рухнули на свои места и весьма оживленно провели следующие два часа, так как дети сражались за единственный экземпляр «Дневника слабака»²⁷, хотя оба читали его несколько раз. Взмах руки – и горячий чай проливается на брюки Алессандро, причем как раз в таком месте, что может возникнуть подозрение, будто ему требуются памперсы. Попутно выясняется, что это единственная пара брюк, и он должен в них ходить три дня.

²⁶ La rue Vieille-du-Temple (*фр.*) – улица в самом центре Парижа.

²⁷ Серия книг американского карикатуриста и детского писателя Джеффа Кинни.

* * *

Вечерело, когда мы отправились посмотреть на Биг-Бен. Однако это был час пик в метро, и мы в конце концов сбежали от толпы. Затем мы заблудились в большом парке, над которым кружил вертолет. Алессандро показалось, что он узнает Букингемский дворец, но оказалось, что это задняя сторона многоквартирного дома. Мы все над ним насмеялись, как вдруг увидели копа на мотоцикле, который мчался вперед, затем – другого. Алессандро бросился бежать к улице с криком: «Королева!» Мы мчались за моим мужем с хохотом, выкрикивая обидные вещи в его адрес. Но он был прав! Ее Величество Елизавета II ехала в «Роллс-Ройсе», с очень прямой спиной, в каком-то странном шарфе, завязанном под подбородком. Это была кульминация нашей поездки. Правда, дети по-настоящему впечатлились только после того, как таксист признался, что впервые видит королеву за все одиннадцать лет, проведенных за рулем.

* * *

У нас был долгий и беспокойный ланч, который прерывали битвы за единственный работающий айпод. Затем мы отправились в «Харродз»²⁸, где купили рождественский пудинг и прошли по отделу женской одежды. Анна влюбилась в меха. Я с трудом оторвала ее от норки, о которую она терлась щекой. «Она такая мягкая, – мечтательно сказала моя дочь. – Точь-в-точь как мои волосы утром, после того, как я их вымою».

* * *

Экспонат в Музее Виктории и Альберта, который нам особенно понравился – огромная кровать, на которой уместилось бы восемнадцать человек (правда, не американцев, как решили мы после долгих споров). В магазине подарков Лука купил косматую шапку с маленькими бараньими рожками. Он в последнее время очень сильно оброс. Продавщица сказала: «Мне было интересно, что вы решите... Ему обязательно надо было ее купить. Эта шапка – его продолжение».

* * *

Вчера мы узнали интересный исторический факт, заметив, что у красных почтовых ящиков Королевской почты имеются щели и для проштемпелеванных, и для франкированных писем. В прежние времена лорды могли просто поставить свою подпись в том месте, где должен быть штемпель, и тогда письма доставлялись бесплатно... Не думаю, что эта традиция сохранилась, но все равно было очень приятно увидеть эту щель в ящике.

* * *

Ланч в «Боксвуд-кафе» Гордона Рэмзи был восхитительным. Я ела чудесный пирог с луком-пореем и горохом, затем божественного черного лецца с хрустящей корочкой – никогда прежде не слышала о такой рыбе. Что касается десерта, то я разрывалась между «пятнистой

²⁸ Harrods (англ.) – один из самых дорогих и фешенебельных универсальных магазинов Лондона.

собакой»²⁹ и «дураком»³⁰: в обоих блюдах меня особенно привлекали названия. Алессандро съехидничал, заметив, что у меня достаточно первого и дома – так что я выбрала «дурака». (Причем с трудом удержалась от ответа, который сам напрашивался.)

* * *

Жизнь после «Гордона» стала унылой. Мы пошли в прославленный ресторан в Уэст-Энде, но он не шел ни в какое сравнение с «Гордоном». Все ели в скорбном молчании, а Анна сочинила песенку с припевом: «Земляника, черника, блевоника».

* * *

В подражание моим персонажам мы пили чай с ячменными лепешками в «Фортнум энд Мейсон»³¹. Больше всего мне понравилась сценка в туалете, где Анна с большим удовольствием испробовала жидкое мыло. Очень милая леди объяснила нам, что «вот так богачи живут каждый день... все время».

* * *

Британцы одержимы транспортными средствами. Мы пришли к этому выводу после того, как видели две демонстрации. Первая – парад ревущих мотоциклов «Адских ангелов», которые протестовали против налога на парковку. А затем, час спустя, мы наблюдали парад крошечных мини-автомобильчиков, которые и не думали протестовать, а просто упивались тем, какие они маленькие.

* * *

Совершенно вымотанные культурной и туристской программой, мы нашли убежище в книжном магазине «Уотерстоунз». Мы чудесно провели там пару часов. Никаких пререканий, воплей, нытья – только счастливые лица, склонившиеся над книгами. Вышли оттуда, нагруженные тремя сумками с книгами. Был лишь один диссонанс: когда мы дошли до прилавка, в пачке книг, выбранных Анной, оказалась одна под названием «Мой папа сидит в тюрьме». Алессандро был от этого не в восторге.

* * *

Возвращаясь на «Евростаре» в Париж, мы составили список грандиозной еды: вкуснейший пирог с луком-пореем от Гордона Рэмзи для меня и его же кабачки с серым калифорнийским орехом, а также ризотто с шалфеем для Анны. В ресторане, название которого я не могу вспомнить, нам подали груши, сваренные в арманьяке и затем превращенные в нежнейший кастард³². Плюс корнуэльский пирожок³³ – единственный пункт нашего списка, который я не смогу воспроизвести.

²⁹ Пудинг с изюмом.

³⁰ Фруктовое или ягодное пюре со взбитыми сливками.

³¹ Fortnum & Mason (*англ.*) – универсальный магазин в Лондоне, основанный в 1707 году. Рассчитан на богатых покупателей.

³² Жидкий заварной крем.

* * *

Анна послушно выполняет домашнее задание в соседней комнате – смотрит «Aristochats»³⁴. Так забавно слушать офранцузившихся котят – не говоря уже о моей любимой гусыне Абигейл, превратившейся в Амели.

* * *

Нам сдали эту квартиру вместе с двумя холодильниками: один для продуктов, второй для напитков. Первый испортился. Я могу затолкать цветную капусту на вторую полку холодильника для напитков, но тогда опрокидывается верхняя полка.

* * *

Партнер Алессандро по итало-французским беседам, Флоран, сказал вчера, что не понимает итальянских женщин. Его официантка слишком сдержанна, и он сомневается: а вдруг он слишком торопит события? Если бы она была француженкой, заметил он, то они бы уже прошли все стадии, от первого поцелуя до развода. Похоже, француженки сначала целуются, а беседуют после. Алессандро сказал Флорану, что именно так ведут себя итальянские мужчины. Впрочем, он не думает, что тот понял намек.

* * *

С каждым днем я чувствую себя все более рослой. Сегодня утром я втиснулась в поезд метро и вдруг заметила, что голова очень маленького француза находится у меня под мышкой. Мне пришлось протянуть над ним руку, чтобы ухватиться за поручни, и мы оба замерли от смущения.

* * *

Мне нужно работать над собой, чтобы стать не такой раздражительной. Правда, я подозреваю, что если бы наше гнездо опустело, это могло бы помочь. Сегодня я прибегла к радикальному способу лечения: прошла до «Ля Гранд Эписери» на улице Севр и купила шоколад трех разных сортов. Это orange en robe (спиральки из апельсиновой цедры, покрытые вкусным шоколадом) из Занзибара, citron gingembre (плитка с имбирем и лимонной цедрой) из Кот д'Ор³⁵ и noir aux écorces Мишеля Клюизеля (темный шоколад с кусочками апельсина).

Мы с Анной устроили дегустацию. Победил темный шоколад Клюизеля, насыщенный и шелковистый, который просто тает во рту.

³³ Горячий жареный пирожок с начинкой из мяса, почек, картофеля и капусты.

³⁴ «Коты-аристократы» – музыкальный фильм студии Диснея.

³⁵ «Золотой берег» (*фр.*) – департамент на востоке Франции.

* * *

Мы скатились на самое дно: Анна принесла домой записку от своей учительницы итальянского, где сообщалось о ее плохом поведении. Вместо того чтобы проявить раскаяние, Анна с волнением тараторила о том, что другая учительница ударила книгой еще более неспособного ребенка. У нас в семье не применяются телесные наказания, к неудовольствию Алессандро (он считает, что ему пошло на пользу то, что мать его порола). Новизна увиденного заворожила Анну: взрослый человек вдруг срывается и дает волю рукам. Поставив свою подпись на записке, я, надо признаться, ощутила острое сочувствие к учителям, которым приходится справляться с Анной, Домитиллой и ордой десятилетних мальчишек – настоящих берсеркеров.

* * *

Сегодня я бегала трусцой целых десять минут, поставив новый рекорд. Мой ухажер, мясник, разгружал ящики, когда я пробежала мимо. Он уставился на меня, мигая – вероятно, был поражен, увидев меня в спортивном костюме. У него длинные бачки, каких вы не увидите в Соединенных Штатах. Я помахала ему, а потом устыдилась своего обтянутого зада.

* * *

В художественной галерее я видела крошечные декоративные ковчеги для мощей – в такие помещают, скажем, палец святого. Однако в этих – разные предметы, реликвии святых, о которых мы не слыхали. Мой любимый – «Saint Protecteur»³⁶ (презерватив в веселенькой упаковке).

* * *

Сегодня Анна сообщила, что умерла песчанка Домитиллы. Это событие должно было бы вызвать хотя бы искру сочувствия, а не бездушный смех... Но, увы. Песчанка упала с балкона, а затем на нее свалился цветочный горшок, после чего у зверюшки вылез глаз (кровеная деталь, представляющая особый интерес). Быть может, когда-нибудь Анна станет биологом. Или же владелицей похоронного бюро.

* * *

Окно моей кухни выходит во двор, так что мне видна супружеская пара, живущая двумя этажами ниже. Жена, по-видимому, проводит все вечера, лаская маленькую собачку. Правда, не исключено, что у них с мужем страстная личная жизнь, скрытая от тех, кто глядит на их окна. Жену нельзя назвать шикарной, но это француженка шестидесяти лет, а значит, у нее всегда идеальная прическа и идеально выщипанные брови.

³⁶ Святой Защитник (*фр.*).

* * *

Вчера вечером у нас был весьма неприятный семейный обед. Лука совершенно уверен, что у него большие успехи на занятиях английским языком и литературой (тут особенно нечем хвастаться), но он не справляется со всеми остальными предметами. Он не понимает математику на итальянском языке и считает, что в Штатах не существует математики, которой они занимаются, (насчет этого мы с ним не согласились). Дома ему хорошо давался перевод с английского на латынь, но переводить с латыни на итальянский, справляясь при этом со сложными итальянскими временами, – совсем другое дело. У детей, вместе с которыми Лука занимается французским, матери-француженки, поэтому понятно, почему они читают Вольтера, а он еще добрался только до «Капитана Сорви-голова». Мы решили нанять преподавателей. По всем предметам. Может быть, даже по дисциплине под названием «Как быть родителями».

* * *

Когда я вышла из дома, небо было голубым и далеким. К тому времени, как я покинула рынок, на нем появились жемчужно-серые тучи, до которых, кажется, можно достать рукой. Дождь забрызгал тротуар, и щенок, принадлежащий бездомному, который обитает возле нашей станции метро, забрался под свое одеяло так, что торчит только его черный нос. Я кладу евро в кружку, от души надеясь, что оно пойдет на собачий корм, а не на коньяк.

* * *

Сегодня я пекла имбирный пряник и в решающий момент обнаружила, что у меня нет черной патоки. Вместо нее я влила гранатовую, так как это единственная патока, которую я нашла в Париже. Анне понравилось, а Лука сморщил нос и сказал: «Чего-то не хватает». Быть может, в один прекрасный день он станет победителем на конкурсе дегустаторов в «Адской кухне»³⁷.

* * *

– Ты помнишь песчанку Домитиллы, которая разбилась? – вместо приветствия спросила меня Анна, вернувшись из школы. – *Так вот*, Домитилла просто выбросила ее. Прямо в мусорный бак. А ты хочешь узнать о ее другой песчанке?

– Конечно, – ответила я, покривив душой.

– Она не смогла ее выбросить, так как песчанка потерялась где-то в доме и умерла. Так что теперь будет вонять. Домитилла *в самом деле* не умеет обращаться с домашними питомцами.

* * *

Окна моего кабинета выходят прямо на серые скошенные крыши домов на другой стороне улицы Консерватории. Я люблю смотреть, как дождь стекает с шифера, образуя темные

³⁷ Американское кулинарное телешоу известного британского повара Гордона Рэмзи.

реки, которые устремляются в канавы. Напротив живет кошка, хозяйка которой выставляет ее на маленький балкон, когда делает уборку в квартире. Эта кошка не в таком восторге от дождя, как я.

* * *

Я только что взяла остатки супа из цветной капусты с картофелем, добавила замороженный горошек и немного тайского соуса из кориандра и запустила все это в блендер. Получился сказочный суп, ярко-зеленый и очень полезный. Дети съели все до последней капли.

* * *

Марина посадила Мило на диету. Чихуа-хуа должны весить около семи фунтов, а в Мило больше двадцати семи. Он похож на холодильник 50-х годов: приземистый, корпулентный и закругленный с боков. Очевидно, ветеринар рекомендовал давать овощи, так что на обед Мило получает брокколи, сваренную на пару, с капелькой масла, и какой-то диетический собачий корм, сдобренный домашним куриным бульоном.

* * *

Сегодня Анна засыпала меня вопросами в метро: «Ты помнишь, когда у тебя начали расти груди? Сколько тебе было лет? Тебе было пятьдесят? Грудь продолжают расти до тех пор, пока не умрешь?» Я не смела поднять глаза, чтобы посмотреть, сколько англоязычных пассажиров едут вместе с нами.

* * *

Около семи часов осенний свет становится ясным и голубоватым, цвета снятого молока. Все официанты стоят, прислонившись к дверям своих ресторанов, и курят в ожидании клиентов.

Гимн Малиновки

За одну только неделю в октябре я перепутала «интуицию» с «интонацией», «кран» с «крабом» и «возрождение» с «возмущением». А обратившись к моему другу Филипу, назвала его «Париж». Да еще засунула рулон бумажных полотенец в посудомоечную машину и спасла его в последний момент.

В середине ночи я пришла к печальному выводу, что мой мозг умирает. Слова – орудие моего ремесла, мой хлеб насущный. В темноте мне все стало совершенно ясно: я превратила Филипа в Париж, потому что подцепила воспаление мозга. Или (спасибо статье, которую я недавно прочла в «Нью-Йорк таймс») болезнь Хантингтона³⁸. Утром я поддалась на напевы сирен Гугла и напечатала слово «Хантингтон».

Сайт клиники Мэйо³⁹ специализируется на утешительной манере речи. Вскоре выяснилось, что, пока я не начала ронять чашки, мне не грозит этот диагноз. Затем, как раз когда я расслабилась, мне попался следующий бодрый пассаж: «Вам решать, проходить ли тест на ген – это ваше личное решение. Некоторые не выносят неопределенности относительно наличия неправильного гена; для других же осознание, что у них имеется этот дефект, обременительно».

Обременительно? Первой моей реакцией было презрительное фырканье. Я нахожу обременительным сознание своей неизбежной смерти, и мне не требуется предупреждения какого-то там гена об этом близящемся randevu. Но минуту спустя до меня дошло, что глупо, с моей стороны, придавать значение определению «неправильный ген», данному клиникой Мэйо. Вместе со всем человечеством я унаследовала неправильные гены, которые *все* поговорно запрограммированы на смерть. Вот осознание этого – вещь довольно мудреная.

В молодости я обычно лежала по ночам в постели, заучивая стихи. Наш дом был одержим поэзией, а я была послушной старшей дочерью. Я читала наизусть оду Д. Г. Лоренса, обращенную к змее, восхищаясь звучанием фразы «тащила желтую вялость тела по земле». Я никогда ни с кем не делилась своими заветными стихами, особенно с моим отцом-поэтом. У него в мозгу, наверно, хранилась тысяча стихотворений, если не больше. За обедом он раздражался отрывком из «Короля Лира», за которым следовали пара катренов Блейка и стихотворение на шведском языке. Мои амбиции, напротив, были скромными и тайными: мне нужно было несколько стихотворений, только и всего. Я хотела всегда иметь под рукой именно эти слова, хотела знать, что река Кольриджа Альф бежит «в пещерах, бесконечных для человека, к бессолнечному морю», а заснеженный лес Фроста бросает вызов тем, «кто дает зароки».

Поступив в колледж, я перестала заучивать поэзию, отложив это до тех пор, когда у меня будет больше времени. Но сейчас, когда я лежала в темноте, думая о кране, превратившемся в краба, мне пришло в голову, что у меня может не хватить времени на то, чтобы запомнить даже совсем немного стихов. Моей бабушке диагностировали старческое слабоумие, и последнее десятилетие своей жизни она провела в молчании. Мой отец, мой дорогой отец, хранивший в памяти тысячу стихотворений, приобрел привычку смотреть, как падают листья с деревьев. Вместо того чтобы вплетать эти листья в слова, он просто позволяет им падать. Какая жестокая судьба: следить, как осыпаются листья, не повествуя об этом; горевать, не создавая ничего нового; стареть, не описывая этот процесс.

³⁸ Редкая наследственная болезнь мозга, ведущая к слабоумию.

³⁹ Мэйо – семья выдающихся врачей (начало XIX в. – конец 60-х XX в.). Основали клинику, носящую их имя, в Рочестере (штат Миннесота).

В прошлом году, наблюдая, как он борется с возрастом, крадущим у него слова, я подумала, что мне нужно выучить еще несколько стихотворений, дабы не унаследовать эту славную ночь без слов. Здесь я полностью привожу стихотворение, которым возобновила это занятие: «Их одинокие старшие»

У. Х. Одена.

В тени сидел однажды летним днем
И звукам я внимал в саду своем.
Как правильно, что ягоды и птицы
Словами не умеют объясниться.
Малиновка природе гимн поет
И знает только эту пару нот.
Цветы о чем-то тайном размышляют,
Задумчиво головками качают.
Цветы и птицы не способны лгать,
Не знают, что придется умирать.
Неведомо им, что такое время
И тяжелое ответственности бремя.
А речью наделили только нас.
Считаем дни, порою ждем, томясь,
Мы писем. Разные даем зароки.
И все мы бесконечно одиноки.

* * *

В метро Анна заметила крошечную оранжевую божью коровку, которая оказалась в нашем вагоне. Мы следили, как она неуклюже разгуливает вниз головой по потолку, потом перелетает и усаживается над дверью. Когда вагон остановился, я поймала божью коровку, и мы несли ее вверх по лестнице, через вестибюль, еще по двум меньшим лестницам — и наконец вышли с ней в прохладное утро, где она полетела к кустам с блестящими листьями.

* * *

Мы с Анной постепенно исследуем продуктовые магазины в японском квартале Парижа. В моем любимом целая стенка уставлена различными соевыми соусами, а верхний этаж заполнен загадочной едой в экзотических упаковках. Нет ни одного ярлыка на французском или английском, так что мы приносим покупки домой и гадаем, что это такое.

* * *

Сегодня мы с Алессандро следовали за парой изысканных ног. Они были одеты в черные кружевные чулки в цветочек и темно-красные лакированные туфельки. Их обладательница была в пальто с пятью пуговицами на спине и в перчатках точно такого же цвета, что и туфли. Быстро поднявшись по лестнице, мы оглянулись, чтобы посмотреть на пальто сзади. И тут выяснилось, что этой леди по крайней мере семьдесят. Старость по-парижски!

* * *

Двенадцать подростков из девятого класса Луки заболели и не пришли сегодня в школу: вирус NINI поразил среднюю школу Леонардо да Винчи. К счастью, оба моих ребенка переболели этой хворью в Штатах в июне. У Луки тот же счастливый блеск в глазах, какой бывал у меня, когда я стояла у окна в сельской Миннесоте, глядя, как падают снежинки: будет ли, будет ли, *будет ли* такой снегопад, чтобы закрыли школу? Нынешний эквивалент: заглядывание в Фейсбук каждые пять минут, вопросы друзьям, нет ли у них жара, и отчаянная (постыдная) надежда, что есть – ведь тогда школу закроют на карантин.

* * *

Все здания по обе стороны улицы Консерватории построены из кремового мрамора или песчаника. Когда я сегодня вышла из дома, небо было бледным и грозным – вот-вот пойдет дождь. Наверно, с высоты церкви или консерватории кажется, что мрамор слился с воздухом и они танцуют щека к щеке.

* * *

Я только что послала Анну в школу с запиской, испещренной помарками и орфографическими ошибками и политой кровавым потом и слезами. В записке она просит прощения у своей учительницы, что «немножко» сжульничала на экзамене. Анна бурно протестовала, заверяя меня, что ее учительницу это не волнует и что это все равно, что писать письмо Санта-Клаусу, извиняясь за то, что сжег его бороду. От меня ускользнула логика сравнения с сожженной бородой, так что я только твердила: «Твоя учительница должна подписать это письмо, Анна».

* * *

Вчера вечером мы пошли в бистро, где не приветливый официант принес нам тепловатого ската с каперсами. В меню был раздел старинных блюд, и я выбрала уникальную закуску: говяжье рыло. Это были маленькие узкие кусочки, смешанные с винегретом. Вкус? Колбасного фарша! Я знаю, что это такое, потому что мой отец был на Второй мировой войне и порой, в приступе ностальгии, покупал эти консервы. А теперь мне также известно, из чего делался этот колбасный фарш.

* * *

Побродив по огромной ярмарке старинных вещей, мы зашли в крошечное кафе, окна которого выходят на сады возле Бастилии. Там мы пили *chocolat à l'ancienne* – горячий шоколад, приготовленный по старинному рецепту, со взбитыми сливками, увенчанными пьяной вишней. Еще я ощутила вкус миндаля. Это было божественно. Пока мы сидели, смакуя шоколад, наступил *l'heure bleue*⁴⁰ – время между днем и вечером, когда небо становится цвета барвинка.

⁴⁰ Синий час (*фр.*).

* * *

Две вещи на ярмарке антиквариата лишили меня сна в прошлую ночь, и мне пришлось несколько раз себе напомнить, что не в вещах счастье. Первая – совершенно невероятный канделябр из венецианского стекла, украшенный гирляндами из крошечных стеклянных фруктов и цветов. Вероятно, он был сделан в 50-е годы и отнял у какого-то безумного стеклодува два года жизни. Вторая – зеркало 1850-х годов, также из Италии. Оно было в раме из черного ореха, с инкрустациями в виде замысловатых завитушек, и на зеркале были вытравлены веселые пьяненькие купидоны.

* * *

Французы медленно ходят. Они легкой походкой идут по улице, встречаются друзей и две минуты целуются, затем врастают в землю и начинают болтать, словно это главное событие дня. Мы с мужем ходим, как жители Нью-Йорка: быстро, обходя препятствия, посматривая на витрины, заглядывая в магазины. Проведя в Париже несколько месяцев, я теперь думаю: куда это я так спешу, по какому срочному делу – ведь все эти французы никуда не торопятся.

* * *

Мы перебрались из очаровательной, но многолюдной американской церкви Сен-Эжен-Сент-Сесиль, которая находится прямо на улице Консерватории. Оказывается, у них служат мессу не только на латыни, но и на французском (правда, я не понимаю оба языка, так что для меня особой разницы нет). У священника девять прислужников разного возраста. Здесь курят ладан и размахивают маленькими колокольчиками, словно это магическое средство, гарантированно усиливающее набожность.

* * *

Вчера мы обнаружили, что наш любимый крытый рынок, не говоря уже о местных рыбной и мясной лавках, не работает по понедельникам. В результате у нас пустой холодильник. На ланч я подала кусок превосходного камамбера и отварную картошку, посыпанную крупной солью. На десерт были остатки абрикосового торта. Жизнь хороша.

* * *

Флоран, собеседник Алессандро, собирается съездить в Италию, так что сегодня они упражняются в романтических фразах. По-итальянски вы говорите «Ti amo»⁴¹ только возлюбленной. Всем другим – детям, родителям, друзьям – говорят: «Ti voglio bene», что означает примерно «Я желаю тебе добра». Как это романтично – оставить «Я тебя люблю» исключительно для сердечных дел!

⁴¹ Я тебя люблю (*ит.*).

* * *

Когда на улице Консерватории идет дождь, вода попадает в подземные трубы, проложенные под тротуаром. Из отверстий стока начинают бить крошечные фонтанчики высотой в несколько дюймов.

* * *

Вчера мы купили маленькие баночки с собачьим кормом для «нашего» бездомного, точнее, для его щенка, который очень быстро растет и, судя по неуклюжим лапам, станет крупной собакой. Анна отдала первую баночку по пути в школу. Щенок теперь нас знает и выпрыгивает из своей коробки с визгливым лаем, как только мы приближаемся. Он лизун и любит облизать все лицо (конечно, с Анной ему легче), но все равно очень милый.

* * *

BHV – огромный парижский универмаг, на пяти этажах которого можно найти что угодно – от ламп до детского белья и розовых мутовок. Я только что провела там несколько часов, закончив отделом художественных материалов, где накупила красивой бумаги со всего мира: с узорами, вышитыми золотыми нитками; с бурными водоворотами и элегантными геральдическими лилиями; японскую шелковую бумагу. Я решила, что вместо того, чтобы посылать рождественскую открытку с детьми, улыбающимися по принуждению, в этом году мы сделаем свои собственные открытки.

* * *

Анна пришла домой, ухмыляясь во весь рот, и рассказала мне, что Домитилле «не поздоровилось», когда та стояла у доски на уроке математики. Учитель не только кричал на нее, но и стучал кулаком по столу. Увы, мне никак не удастся пробудить в этом ребенке сочувствие к ближнему. Я пять минут говорила ей о терпении, доброте и великодушии, после чего она засмеялась, как гиена, и убежала.

* * *

Я уже побывала один раз в Париже, когда была на предпоследнем курсе. Тогда я работала моделью, а это значит, что я интуитивно отводила взгляд от всех кулинарных соблазнов – зато плотала слюнки перед витринами магазинов дамского белья, где были выставлены красивые бюстгалтеры и экстравагантные шелковые трусики. Теперь я проскакиваю мимо таких магазинов и надолго застреваю в кондитерских и любуюсь съедобными шахматами или моделью Хогвартса из темного шоколада. Как хорошо, что жизнь достаточно длинна, чтобы возникали самые разнообразные желания.

* * *

Сегодня днем позвонили в дверь, и Алессандро заметил нашего местного аптекаря, стоявшего внизу, на улице. У Анны хроническое заболевание почек, и она должна четыре

раза в день принимать лекарства. Меня сразу же охватила паника, не напутали ли чего-нибудь. Оказалось, что нет. Он весело поздоровался, а потом сказал, что в одном из ее рецептов произошло крошечное изменение, так что ему хотелось проверить, знаем ли мы об этом (мы знали). Он не поленился перейти через дорогу лишь для того, чтобы удостовериться.

* * *

Алессандро считает, что недостаточно упражняется во французском, поскольку его партнер Флоран проводит почти все свое свободное время в Италии, ухаживая за несговорчивой официанткой. Поэтому сегодня Алессандро начинает встречаться еще с одной собеседницей по итало-французскому обмену – женщиной по имени Вивиана. Она профессор американской культуры, а это значит, что я буду для нее ходячей научной темой – тем более что она пишет статью о том, как американцы пользуются социальными сетями, например, Фейсбуком, а я провожу там чрезмерно много времени, обрабатывая свои зарисовки.

* * *

Сегодня мы взяли напрокат лодку и поплыли по Сене. Мы видели плавучий дом с очаровательной верхней палубой, на которой были беседка, увитая виноградными лозами, и красивые растения в горшках. Роскошный маленький «Порш» темно-синего цвета был припаркован у причала.

* * *

На ступенях у входа в банк в начале улицы Консерватории часто собирается стайка красивых молодых людей в бледно-розовых рубашках. Французские банковские служащие чудо как хороши. Но здание банка также заслуживает внимания. На камень нанесены извилистые узоры, вызывающие ассоциации с муравейником. Вблизи это не так хорошо смотрится, но на расстоянии рисунок придает камню туманную красоту, смягчающую его величие.

* * *

Мой двоюродный дедушка Клод пишет, что в Париж приезжают два «класса» людей: те, для которых этот город – всего лишь сумма благ, и те, кто «постигает душу великого города». Для меня Париж – это буфет, набитый разнообразными земными удовольствиями (дамское белье, музеи, сыр) – то есть «сумма благ». Так что Клод отнес бы меня к первому «классу». Те, кто выше меня (включая самого Клода), открывают, что Париж «изысканно причудлив и наполнен солнечной голубизной». Честно говоря, то, что я пока что прочитала из этой книги, наводит меня на мысль, что это не Париж, а *Клод* был с голубизной – несмотря на исторический факт его женитьбы, записанный черным по белому.

* * *

Мы попали в ту часть улицы Сен-Дени, которая является вотчиной немолодых работников секса. Это проститутки в возрасте, но не сдавшиеся ему. Они экипированы соответствующим образом: высокие кожаные сапоги, бюстгалтеры без лямок. У этих женщин усталые глаза. Они стоят по обе стороны улицы, прислонившись к дверям, на положенном расстоянии

нии друг от друга, и перебрасываются фразами в ожидании клиентов, которых не привлекает молодость.

* * *

Вчера я купила теплые перчатки цвета баклажан. На прошлой неделе я приобрела туфли того же цвета, со шнурками. Я чувствую себя ответом на один из вопросов журнала мод: «Вы весна, лето, осень или зима?» Полагаю, что я – осень.

* * *

На авеню де Виллар, где находится школа Анны, есть пекарня, возле которой всегда очередь. Они специализируются на маленьких фруктовых тортах. Самый красивый – с фидами, нарезанными очень тонко; эти прозрачные ломтики посыпаны сахарной пудрой. Любимый торт Луки похож на Альпы в миниатюре: маленькие клубнички поставлены вертикально, и у каждой сверху – капелька белого шоколада. У моего любимого нарезанные кружочками абрикосы, расположенные так, что один находит на другой – это напоминает круги на английском поле пшеницы.

* * *

«Отель Друо» – аукционная фирма, где заканчивают свое существование многие имения в Париже. Там можно прогуливаться по комнатам, наполненным всякой всячиной – от фламандских картин четырнадцатого века и потускневших серебряных блюд до заурядной мебели 1960-х годов. Сегодня мы рылись в коробках со старым льняным бельем и армейскими медалями. Особенно поразил меня портрет мальчика и девочки, сидящих в гостиной 1970-х. Где эти дети теперь? Безразлично ли им, что их недовольные лица пойдут с молотка на аукционе? И что в конце концов их удастся продать только после того, как к этому лоту добавят японскую гравюру с изображением птиц?

* * *

Мы с Анной ждали на платформе в метро. Когда подошел поезд, я увидела через стекло тощего лохматого подростка в попсовом свитере. Лука! Нам удалось проскочить в двери как раз перед тем, как они закрылись. Это действительно был мой пятнадцатилетний сын, болтавший по-итальянски и до невозможности крутой. «Солнышко!» – воскликнула я, забыв одно из кардинальных жизненных правил. Подростки мужского пола терпеть не могут, когда их приветствуют мамы в присутствии ровесников. Он отвернулся и продолжил беседу. Мы с Анной сели.

* * *

Я только что открыла «Де Буш а Орей»⁴², магазин в Маре, где полно миниатюрных глобусов размером с ладонь. Они цвета слоновой кости, черные или сине-зеленые. У меня создалось впечатление, что их покупают по три-четыре штуки и кладут в вазу, как фрукты.

⁴² De Bouche à Oreille – «Понаслышке» (фр.).

А еще у них есть стеклянный купол, с которого на цепях свисают стеклянные шары – в них головы старинных фарфоровых кукол, древние компасы и часы.

* * *

Алессандро думает, что «наш» бездомный не пьяница, а глухонемой, так как он не сказал ни слова за те три месяца, что мы его знаем – если можно так назвать наши отношения. Мы опускаем мелочь в его шапку, вручаем собачьи консервы и ласкаем щенка, а бездомный только улыбается очень приятной улыбкой. На мой взгляд, у него восточно-европейский тип лица, оно круглое и стоическое, как будто его предки проводили долгие часы, выкапывая картошку на холодном ветру.

* * *

Мы играли роль хороших родителей, относящихся с пониманием к тому, что учителя Анны кричат, ставят ее к стенке и вышвыривают в вестибюль. Так, мы молчали, когда учитель математики ударил ученика книгой и нагнал страху на Домитиллу. Но сегодня Анна вернулась домой в слезах, так как он насмеялся над ее делением (или попытками что-то разделить). Алессандро пойдет завтра в школу, вооруженный до зубов. Обычно он очень спокойный, но если его довести, начинает всех строить – как профессор и член школьного комитета, к тому же возведенный в рыцарское достоинство итальянским правительством. Я не завидую этому учителю.

* * *

Мы с Анной только что вошли в мужской отдел «Галери Лафайетт», чтобы встретиться там с мужской половиной нашей семьи. И вдруг Анна сказала: «Мама! Мама, посмотри на них!» Я автоматически хотела было ответить: «Никогда не показывай пальцем...», но тут увидела, куда она смотрит, и у меня отвисла челюсть. Пять мужчин в крошечных плавках шагали в нашу сторону. Позвольте мне пояснить: это были пятеро прекрасно сложенных, роскошных мужчин, на которых были только мини-плавки. Они шли, о чем-то болтая друг с другом и, по-видимому, демонстрируя свою «одежду». Покупатели мужского пола, кажется, вовсе не заинтересовались ими – в отличие от меня. Во всяком случае, хотя эти мужчины, должно быть, прошли совсем рядом с Алессандро, он сказал, что не заметил их.

* * *

Папа Медведь (то есть Алессандро) вернулся из школы Леонардо да Винчи с триумфом! Были даны обещания щадить чувства Медвежонка (то есть Анны). Взамен Папа Медведь пообещал, что Медвежонок прекратит болтать в классе, перестанет забывать домашнюю работу и воздержится от заявлений типа (цитирую дословно): «В моей прежней школе я не училась делению: это не проходят в Соединенных Штатах». Именно эти слова вызвали смех у учителя, который Анна описала как издевательский. Однако его действительно трудно за это винить.

Горе

Сильно простудившись, я нырнула в постель после ухода детей в школу и погрузилась в чтение мемуаров Кейт Брестрап «Я здесь, если нужна тебе». Она – капеллан, прикомандированный к поисково-спасательному отделу Лесного ведомства Мэна. В самом начале книги Кейт внезапно узнает, что осталась вдовой с четырьмя маленькими детьми.

Я сразу же начала плакать, но несколько позже, в этой же главе, ее семилетний сын высказал предположение, что его папа уже прошел реинкарнацию и превратился в тигра. Тут я громко засмеялась, и дальше слезы все время чередовались со смехом. Время от времени я поглядывала на холодное, голубовато-серое небо Парижа и, забравшись поглубже под пуховое одеяло, тянулась за следующим бумажным носовым платком.

Алессандро зашел меня проводить и, выразив сочувствие по поводу моей простуды, был весьма недоволен, узнав, что стопка промокших носовых платков – результат скорее слез, нежели вируса. «Я никогда не плачу, когда читаю», – заметил он, и это правда. На ночь он читает биографию Екатерины Великой, и она вряд ли вызовет слезы даже у такой сентиментальной особы, как я. Я спросила, действительно ли Екатерина предавалась эротическим забавам с лошадьми. Алессандро ответил, что императрица была непонятой феминисткой, и хотя список ее любовников весьма обширен, сексуальные пристрастия были консервативны. Словом, тут не о чем плакать. Да и смеяться – тоже.

Я выставила мужа из комнаты и вернулась к своей книге и носовым платкам. Брестрап пишет о «поворотном моменте» – той секунде, когда вы узнаете новость, которая навсегда изменит вашу жизнь. Я плакала не только по ее храброму, забавному мужу, который был полицейским штата, по ребенку, утонувшему в ледяном озере, по рейнджеру национального парка, который, растопырив руки, продемонстрировал Кейт, как он вытащил ребенка из озера и нес его – нет, я плакала из страха перед поворотным моментом в моей собственной жизни и от благодарности и облегчения, что мне до сих пор не пришлось его пережить.

* * *

Я напредила себе, что Анна слишком большая девочка, чтобы заблудиться в лесу, что сама я домоседка, что Алессандро терпеть не может пикники, что мы никогда не выпускаем наших детей из поля зрения и что я слишком боюсь болезни Лайма⁴³, чтобы приблизиться к лесу. Дойдя примерно до середины книги, я сделала мысленную заметку: нужно вообще держаться подальше от штата Мэн. Однако с той самой минуты, как Брестрап описывает роковой несчастный случай с ее мужем, она упорно твердит: как бы *сильно* мы ни любили, как бы *тщательно* ни оберегали наших детей, мужей или собак, нет никаких гарантий, что смерть не отберет их у нас в любой момент. Когда она пишет о горе как о «занозе величиной с телеграфный столб» в вашей груди, эта заноза грозит вонзиться в сердце и вам.

Позже Алессандро принес мне ланч: салат, небольшой бифштекс, кусок камамбера, пирог «Клементин» и ломтик миндального торта на десерт. Мы ели в дружеском молчании, пока он не попытался отобрать у меня книгу. «Какая польза от такой книги? – желал он знать. – Теперь тебе будут сниться покойники». Они мне снятся в любом случае. Недавно ночью я проснулась в середине фразы, оборвавшейся на слове «мама». Я уставилась в темноту, пытаясь вспомнить, о чем мы с ней говорили. Может быть, болтали о книгах? Или она

⁴³ Инфекционное заболевание, которое передается через клещей.

сидела рядом со мной, что-то рассказывая? Или же я просто пыталась привлечь ее внимание, сказав «мама»?

Вот чего не понимает Алессандро: день, который проводишь в постели, плача над историями о погибших незнакомцах, позволяет поплакать и о том, о чем не имеешь права горевать: мои дети живы, а мама умерла почти два года тому назад. И все равно я просыпаюсь с мыслью о ней. Я хочу ее позвать. Мне всегда будет не хватать маминых рук, обнимающих меня. И мне все еще хочется ее оплакивать.

* * *

К нам приехали моя сестра Бриджет и ее дочери. Рейс задержался, так что мы выходим из дому только в шесть часов, когда уже стемнело и идет дождь. Мы шлепаем по лужам в Центр Помпиду, музей современного искусства. Анна и ее кузины увлеченно беседовали о летнем лагере и заметили, что находятся уже в Париже, только увидев стенд с рекламой блинчиков.

* * *

Мило побывал у ветеринара. К огорчению Марины, ее флорентийский ветеринар настаивает на том, что у Мило ожирение – даже после того, как она заявила, что «он никогда не ест». Ветеринар задумчиво посмотрел на фигуру Мило, вызывающую в памяти образ тюленя, и сказал: «Может быть, он вам так говорит, но все мы видим, что он лжет».

* * *

Мы пошли в аптеку купить витамин С, и, когда Бриджет расплачивалась, она приняла пятьдесят центов за пятьдесят евро (к тому же перепутав витамин С с золотым песком). Когда она дала аптекарю три банкноты по двадцать евро, его глаза округлились: «О-ля-ля!». Обожаю такие минуты – мне тогда кажется, будто я попала во французский фильм.

* * *

«Наш» бездомный не глухонемой, как предположил Алессандро. Сегодня он заговорил, сказав «merci», когда Анна преподнесла щенку ужасно уродливую красную игрушку, которая пищит. Каждый день этот человек сидит у ограды лестницы, ведущей в метро. Он сильно укутан, и у него несчастный вид. Собака сидит в картонке, прикрытая одеялом, а перед картонкой – шляпа для денег.

* * *

Я считаю себя в первую очередь ученым, а уж потом романисткой, поэтому получаю огромное удовольствие от писем читателей, указывающих на мои ошибки – особенно если читатель не прав. Часто меня критикуют за использование сленга. Они считают его современным, но на самом деле этот сленг верен с исторической точки зрения. Я была в восторге от нового примера на эту тему, который привел Калеб Крейн в «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Он откопал письмо Китса, в котором поэт радостно сообщает своим братьям о последнем сленговом словечке, означающем «задержаться в таверне»: «...они называют это «ошиваться»».

* * *

Позвольте мне первой признать это: моя индейка к Дню благодарения не удалась. Вообще-то она наводит на мысль о пустыне Сахара. С самого начала это была странная индейка, поскольку слегка обгорела, когда подпаливали перья, к тому же ее обернули полосками свиного сала. Но были и светлые моменты: Бриджет приготовила сказочную подливку, а приятельница Алессандро Донателла принесла пирог с тыквой с блестящим оранжевым верхом. На самом деле это был торт с кремом – как будто пирог с тыквой побывал в бутике Шанель и приоделся по случаю торжества.

* * *

Оказывается, бездомный – из Бухареста! Сегодня Алессандро и Анна разговорились с ним по пути в школу. Он очень плохо говорит по-французски, так что Алессандро собирается посмотреть несколько фраз на румынском. Этот человек сказал, что хочет уехать домой. Я бы на его месте тоже это с удовольствием сделала. Париж – холодное и унылое место, если тебе нечего делать – только сидеть и ждать, когда пойдет дождь.

* * *

В Нотр-Дам: «Сколько людей умерло, строя эту церковь?» – спросила Анна. И потом, раздосадованная моими уклончивыми ответами («Много... Нет, больше десяти»), остановилась под окном «роза»⁴⁴. «Итак, сколько же умерло, делая вот это? Неужели ты даже не знаешь, сколько умерло, поднимая его туда?» Я в очередной раз обнаружила, что взросление – синоним разочарования в своих родителях.

* * *

Меня очаровал в Нотр-Дам священник, сидевший у офисного стола за пуленепробиваемым стеклом, предлагая принять исповедь на французском или арабском. Больше всего он был похож на мелкого банковского служащего, которому не доверишь послать международную телеграмму.

* * *

Во Флоренции вторую неделю холодно и идет дождь, и это расстраивает Марину. Мило должен совершать долгую прогулку каждый день, чтобы сбросить вес. Однако она никогда не выводит его гулять в дождь, так как, по ее словам, у него деликатная конституция и нарушается пищеварение, когда он мерзнет. Никому не хочется узнать в деталях, каким образом она это выяснила.

⁴⁴ В искусстве готики большое круглое окно кафедрального собора. Рисунок его переплета и цветные стекла витражей придают окну сходство с розой.

* * *

Флоран вернулся из Италии, и они с Алессандро снова встретились. Он все еще влюблен в свою красивую итальянскую официантку, но ему не удалось использовать ни одну из романтических фраз, которым его научил Алессандро. Флоран говорит, что, как ему кажется, она проявляет к нему интерес, но не вполне в этом уверен из-за языкового барьера. Они с Алессандро также говорили о мошеннике, у которого Флоран покупает землю и который считает его легкой добычей, поскольку Флоран иностранец. На этом участке стоит всего одна стена, но итальянец хочет продать его как «землю с домом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.